

Предубеждение в судебной экспертизе

 А.В. Кокин^{1,2}

¹ Федеральное бюджетное учреждение Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации, Москва 109028, Россия

² Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя, Москва 117437, Россия

Аннотация. В статье рассмотрены различные аспекты влияния предубеждения на формирование выводов судебного эксперта. Показано, что действие предубеждения особенно негативно в случаях идентификационных экспертиз, когда выводы формулируются исходя из субъективных интерпретаций результатов исследования признаков следов (например, в трасологии, дактилоскопии, баллистике). Отмечается, что в соотношении объективности и субъективности в экспертизах нет четкой границы. Все виды судебных экспертиз существуют в объективно-субъективном континууме, этот факт обуславливает различную достоверность экспертных выводов. Поскольку субъективность лежит в основе образования предубеждения, то минимизировать ее влияние возможно несколькими способами: повышением транспарентности документирования процесса исследования, техническим анализом и верификацией заключения эксперта, использованием количественных критериев оценки при отождествлении совпадающих признаков в сравниваемых следах. Чтобы исключить вероятность предубеждения у эксперта, наиболее логично устранить порождающие его причины, среди которых предоставление излишней контекстной информации, отступление при исследовании объектов от требований методик, а также различные внешние и внутренние воздействия на эксперта.

Ключевые слова: *дактилоскопия, идентификация, когнитивная предвзятость, контекстная информация, предубеждение, судебная баллистика, судебная экспертиза*

Для цитирования: Кокин А.В. Предубеждение в судебной экспертизе // Теория и практика судебной экспертизы. 2021. Т. 16. № 4. С. 6–16. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2021-4-6-16>

Bias in Forensic Examination

 Andrei V. Kokin^{1,2}

¹ The Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Moscow 109028, Russia

² Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow 117437, Russia

Abstract. The article discusses various aspects of the influence of bias on the formation of conclusions of a forensic expert. The author highlights that the negative effect of bias is especially significant in identification examinations, where the conclusions are based on subjective interpretations of the results of marks comparison (toolmark, fingerprint, firearms examinations, and others). The author also notes that there is no clear border between objectivity and subjectivity in forensic examinations. All types of forensic examinations exist in an objective-subjective continuum, which causes different conclusions' reliability. Since subjectivity is the basis for bias formation, minimizing its impact can be achieved in several ways – increasing the “transparency” of documenting the research process, technical analysis and verification of an expert's opinion, applying quantitative criteria for evaluating the matching features in the compared marks. The most logical way to reduce the influence of bias is to eliminate the causes that give rise to this phenomenon. These are the excessive contextual information provided to the expert, the expert's deviation from the requirements of methodological recommendations in examining the objects, and various external and internal influences.

Keywords: *fingerprinting, identification, cognitive bias, contextual information, bias, forensic ballistics, forensic examination*

For citation: Kokin A.V. Bias in Forensic Examination. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2021. Vol. 16. No. 4. P. 6–16. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2021-4-6-16>

Введение

Проблемы качества судебных экспертиз, обоснованности сделанных экспертами выводов, повышения их доказательственного значения в судопроизводстве, а также выявления природы экспертных ошибок были предметом многих научных исследований. В публикациях Т.В. Аверьяновой [1, с. 428–477], Е.Р. Россинской [2, с. 9–56], В.Н. Хрусталева [3], Н.Н. Шведовой [4] и ряда других авторов определены факторы, негативно влияющие на качество и достоверность заключений, выявлены причины экспертных ошибок и разработана их классификация, предложены рекомендации, направленные на объективизацию заключения эксперта и повышение его доказательственного значения.

В отдельных работах внимание уделено нравственным, логическим, психологическим основам экспертной деятельности и аспектам формирования внутреннего убеждения судебного эксперта¹. Однако пока в нашей стране наблюдается недостаток исследований такого феномена как предубеждение².

В.В. Бушуев рассматривал влияние контекстной информации на внутреннее убеждение эксперта [5]. К сожалению, эти интересные и перспективные наработки не получили дальнейшего развития. А.Я. Аснис и Ш.Н. Хазиев использовали понятие «когнитивная предвзятость» [6, с. 43], по всей вероятности, заимствованное ими [7], но проблематика их работы была иной.

В настоящий момент нельзя однозначно утверждать, что российское судебно-экспертное сообщество предприняло исчерпывающие усилия для изучения влияния предубеждения на деятельность судебного эксперта. Достаточно сложно точно оценить масштабы проблемы, которая затрагивает судебные экспертизы, где в основу выводов эксперта положены субъективные интерпретации результатов исследования признаков следов, в том числе в трасологии, дактилоскопии и баллистике.

Понятие предубеждения и актуальность проблемы

Предубеждение, как правило, вызывает определенную эмоциональную реакцию, ха-

рактер которой может быть различным. Например, какую реакцию может вызвать слово «последствия» – негативную, позитивную или нейтральную? Допустим, у большинства это вызовет негативную реакцию, что вполне объяснимо при наличии соответствующего опыта. Однако последствия – это результат действия, который может быть либо положительным, либо отрицательным, а само слово имеет нейтральное значение.

Не существует особой причины, которая заставила бы человека думать негативно или позитивно, если только он не предрасположен к этой мысли на основе предшествующего опыта. Рассуждения относительно слова «последствия» являются не только примером предубеждения или предвзятости, но и примером того типа реакции, которую предубеждение может вызвать у индивида.

В философском энциклопедическом словаре понятие «предубеждение» определяется как «совокупность того, что знает человек о вещи. Чтобы получить “суждение”, он выбирает что-либо из этой совокупности, подавляя одновременно то, истинность чего кажется ему неverifiedируемой»³. Если учесть, что судебный эксперт должен подходить к исследованию максимально объективно, то опасность очевидна. В случае неконтролируемого процесса воздействия предубеждения на ход проводимого экспертом исследования значительно, что выражается в поверхностном исследовании объектов или несоблюдении положений соответствующей методики, ложной интерпретации результатов, а в конечном итоге может послужить основанием привлечения к ответственности невиновного лица.

Классическим примером пагубного влияния предубеждения в идентификации являются результаты дактилоскопических исследований и экспертиз, проведенных по делу о взрыве пригородного поезда 11 марта 2004 г. в Мадриде. Испанская национальная полиция отправила отпечатки пальцев, выявленные на пластиковом пакете с детонаторами, в Федеральное бюро расследований США (ФБР) для проверки по базе данных IAFIS⁴ (автоматизированной системе дактилоскопического учета и хранения криминальных досъев). В ФБР один из

¹ Бушуев В.В. Внутреннее убеждение судебного эксперта в уголовном судопроизводстве. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2008. 24 с.

² Также можно вести речь о предвзятости в судебной экспертизе. По сути это то же самое, но нам представляется, что содержание понятия «предубеждение» более точно характеризует признаки обсуждаемого в статье явления.

³ Философский энциклопедический словарь. М.: ИНФРА-М, 2009. 569 с.

⁴ IAFIS (англ. Integrated Automated Fingerprint Identification System – интегрированная автоматизированная система идентификации отпечатков) используется ФБР с начала 2000-х годов.

найденных отпечатков был идентифицирован как принадлежащий гражданину США Брэндону Мэйфилду (Brandon Mayfield). На этом основании в мае 2004 г. Мэйфилд был арестован. А две недели спустя по результатам сравнений того же отпечатка задержали алжирского поданного Оунана Дауда (Ouhmane Daoud). Алжирца арестовали в тот же день, когда независимый эксперт подтвердил правильность вывода ФБР. Только после повторного исследования образцов с Брэндона Мэйфилда сняли обвинения, и он был освобожден из-под стражи [8, 9].

Разбирательство по этому инциденту проводило управление генерального инспектора Департамента юстиции США (United States Department of Justice Office of the Inspector General). Комиссия указала на несколько причин, которые могли объяснить ошибочную идентификацию: 1) сходство папиллярных узоров в следах пальцев американца и алжирца; 2) предубеждение: эксперт, проводивший первое исследование, на основе информации по исследованию отпечатка Мэйфилда произвел неправильную оценку признаков в следе с места происшествия.

В частности, в следе имелось пять признаков, которые были выявлены экспертом и учтены при идентификации американца. Но, как было отмечено комиссией, не было никаких доказательств того, что эксперт определил их как значимые еще до момента изучения образцов Мэйфилда. В лучшем случае эти признаки в плохо отобразившихся фрагментах следа не были однозначными или четкими. Кроме того, еще до просмотра отпечатка, эксперт закодировал в следе с пакета семь признаков для поиска в базе IAFIS, но после изучения отпечатка он изменил интерпретацию либо типа, либо расположения пяти из этих признаков.

Комиссия пришла к однозначному выводу, что формирование предубеждения, которое появилось после «переоценки» признаков, можно проследить, сравнив первоначальное кодирование следа с образцами Оунана Дауда. При этом первичная оценка экспертом признаков в следе была правильной, то есть соответствовала следу Дауда. Исследование следа с пакета, проведенное экспертом до сравнения с образцами Брэндона Мэйфилда, было более корректным, чем после просмотра его следов с измененной оценкой признаков [10].

Данный случай является наглядным примером влияния предубеждения на мысли-

тельную деятельность эксперта: восприятие им признаков исследуемых объектов, оценку полученных данных и формирование позиции в отношении истинности информации об объектах экспертизы, что в итоге отражается на характере выводов. Исследования ученых из Великобритании показывают, что 17 % экспертов-дактилоскопистов хотя бы раз меняли первоначальное мнение под воздействием контекстной информации [11].

Объективность и субъективность: понятия и соотношение

В повседневной деятельности эксперты часто используют понятия «объективный» и «субъективный» и их производные. В рамках статьи наиболее подходящим значением слова «объективный» является «непредвзятый», «беспристрастный»⁵. Это непосредственно относится не только к личности эксперта, но и к методам и методикам, применяемым при исследовании объектов экспертизы. Из толкований слова «субъективный» наиболее приемлемое для нас значение – «присущий только данному субъекту, лицу»⁶. Вопросы объективизации судебной экспертизы, выявления природы объективности и субъективности неоднократно поднимались в научных публикациях [12, 13]. Однако нельзя сказать, что в настоящее время эти проблемы решены в полной мере.

Наука пока не может полностью устранить субъективность и базироваться исключительно на объективности. Однако найдутся и те, кто отождествляет науку только с фактами, а «чистую науку» воспринимает через призму объективности.

Особенность судебной экспертизы как науки и направления практической деятельности заключается в том, что для процесса ее развития и функционирования требуется сбор эмпирических данных, которые должны интерпретироваться отдельным человеком. В идеале все виды судебной экспертизы должны быть чисто научными и объективными, что почти нереально в рамках знаний и представлений, определяемых уровнем развития современной науки. Из этого не следует дихотомия судебной экспертизы, которая должна быть полностью объективной и одновременно ориентированной на субъективизм. Она все же явля-

⁵ Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. 18-е изд. М.: Русский язык, 1986. 797 с. (С. 377).

⁶ Там же. С. 675.

ется сферой деятельности, где эти категории, так или иначе, сосуществуют.

Соотношение объективности и субъективности можно проследить на примере судебно-баллистической идентификации. При исследовании следов ствола на выстреленных пулях выделяют группы признаков, объективно характеризующие эти пули.

1. Общие признаки следов канала ствола, определяемые его устройством, присущи всем экземплярам оружия одной модели (либо нескольких), для производства выстрелов из которых используются однотипные патроны. Для оружия с нарезным стволом – это калибр, количество нарезов, их направление, угол наклона и ширина следов полей. Число следов нарезов и полей на пуле можно посчитать, легко определить направление нарезов, и полученные данные будут объективными, поскольку ошибиться в данном случае трудно. Калибр пули и ширина следов полей поддаются измерениям, и с учетом погрешности измерения их также можно считать величинами объективными. Из этого следует, что все перечисленные признаки наблюдаемы, поддаются проверке и измерению, происходят из чувственного восприятия эксперта, то есть удовлетворяют критериям объективности.

Интерпретация общих признаков может иметь как объективный, так и субъективный характер. Например, если на пуле отобразились следы четырех нарезов, направление нарезов правое, то понятно, что пуля не могла быть выстрелена из оружия со стволом, имеющим шесть левых нарезов. В данном случае несовпадение общих признаков не имеет особого значения, поскольку это очевидный факт. Подобная оценка однозначно объективна, и для субъективности в этом случае нет места. Однако если, определив характеристики общих признаков следов на пуле, указать несколько моделей оружия, из которых она могла быть выстрелена, вывод будет иметь некоторую степень субъективности. Ведь, сравнивая полученные значения, с учетом погрешности измерений, со справочной информацией, решение о включении тех или иных позиций в формируемый список оружия можно считать субъективным.

2. Частные признаки, которые индивидуализируют конкретный экземпляр оружия, проявляются как особенности микрорельефа слеодообразующих деталей в форме мелких неровностей и дефектов. В следах на пулях дефекты и другие неоднородности

поверхности канала ствола отображаются в виде параллельных трасс (валиков или бороздок).

Наличие, размеры, расположение и взаиморасположение частных признаков являются объективными характеристиками выстреленной пули. Например, по профилограмме следов на пуле можно измерить высоту пиков валиков, расстояние между соседними пиками и впадинами, углы наклона сторон в профиле и т. п. Указанные измерения могут быть произведены на двух разных пулях с последующим сравнением полученных значений.

Данный метод трудоемок и непрактичен, поскольку квалифицированный эксперт с помощью сравнительного микроскопа гораздо быстрее выявит соответственные участки в следах на пулях и совместит совпадающие элементы микрорельефа. При этом такой микроскоп позволяет выставить группы признаков в следах в совпадающем или не совпадающем положении и оценить другому эксперту то, что видит его коллега. В данном случае совпадение признаков в сравниваемых образцах является наблюдаемым, проверяемым (если оно существует) и выводится из чувственного восприятия, а при необходимости может быть подтверждено соответствующими измерениями.

Процессу выявления и сравнения частных признаков присуща субъективность. Независимо от того идет ли речь об измерении параметров микрорельефа с учетом погрешностей измерительных приборов, или же о регулировке освещения для наилучшей визуализации следов в поле зрения сравнительного микроскопа. В частности, при сравнении образцов каждый раз, когда изображение в поле зрения микроскопа перемещается, эксперт проводит субъективную оценку объективного соответствия (или отсутствия) частных признаков в следах. Но поскольку информацию эксперт собирает для принятия конкретного решения, то данным, не поддерживающим это решение, он уделяет меньше внимания, так как накапливает сведения в пользу предполагаемого вывода.

Этот процесс цикличен, потому что при оценке неоднозначных признаков они будут интерпретироваться в пользу принятия приоритетного решения, а не конкурирующего. Эксперт последовательно «настраивается» на рассмотрение только определенных данных и игнорирует иные, поскольку собирает все больше и больше информации, поддер-

живающей конкретный вывод. В результате на протяжении всего процесса сравнительного исследования объектов систематично и постоянно формируются, а затем принимаются решения об учете только необходимых сведений.

Таким образом, в идентификации нет четкой границы между объективностью и субъективностью. Но существуют способы, позволяющие минимизировать влияние второй. Эти способы давно известны и следуют из общенаучных методов исследования: анализа, наблюдения, описания, сравнения и др.

Один из способов заключается в повышении транспарентности документирования процесса исследования. Наиболее логичным шагом в этом направлении является подробная фиксация всех этапов без игнорирования второстепенных моментов.

Например, на аналитической стадии эксперт может изучить слеодообразующие поверхности частей оружия (ствол, патронного упора затвора, отражателя и др.) на предмет наличия подклассовых признаков [14]. Простая констатация факта их отсутствия в тексте заключения, хотя и полезна, но не приводит к пониманию того, почему эксперт пришел к такому выводу. Можно сказать, что утверждение «подклассовые признаки отсутствуют» является наблюдением в той же степени, как и выводом. Но, несмотря на справедливость высказывания, явно не будет лишним в заключении привести описание микрорельефа, например патронного упора затвора: «наблюдаются следы обработки поверхности в виде прямых, хаотично расположенных трасс, различной степени выраженности».

Подобная характеристика указывает на метод обработки патронного упора. Знание экспертом технологии изготовления оружия в совокупности с описанными особенностями поверхности детали позволит уверенно констатировать отсутствие подклассовых признаков, и в последующем не подвергать сомнению правильность промежуточного вывода в этой части заключения.

Другой способ – это технический анализ заключения эксперта его коллегами по лаборатории, имеющими опыт в идентификации. В первую очередь, внимание должно быть уделено обоснованности промежуточных выводов и возможным формально-логическим ошибкам: вывод не является логическим следствием осуществленного экспертом исследования; отсутствует логи-

ческая обусловленность последовательности стадий экспертного исследования; по одному и тому же предмету даны противоречивые выводы; заключение внутренне противоречиво; выводы эксперта недостаточно мотивированы [2, с. 25].

Для такого анализа исследовательская часть заключения должна соответствовать определенным критериям. В законодательстве определены требования к заключению эксперта (ст. 204 УПК РФ, ст. 86 ГПК РФ, ст. 86 АПК РФ, ст. 26.4 КоАП РФ). Однако принципиальные требования к содержанию исследовательской части в законах не конкретизированы. Можно обсуждать положительные и отрицательные стороны различных способов протоколирования хода экспертного исследования (в текстовой форме, аудио- или видеозаписи), но они должны удовлетворять общим принципам.

1. Информативность исследовательской части заключения. Сущность данного принципа заключается в осознании невозможности фиксации абсолютно всего хода исследования. Но все действия, положенные в основу выводов, должны документироваться в той или иной форме, будь то описание, графики, диаграммы или фотографии. Следует отражать наиболее важные и критические наблюдения и мыслительные процессы, лежащие в основе различных выводов. Пример с подклассовыми признаками подтверждает данный тезис.

Важно иллюстрировать выводы в случаях положительной идентификации объектов. В заключении или приложении к нему следует приводить качественные фотоснимки участков следов с совпадающими признаками, подтверждающими вывод. Фотоснимки не могут быть отображением всего процесса сравнительного исследования, но помогают проиллюстрировать некоторые данные, которые являются объективными. Фотоиллюстрации гораздо эффективнее и нагляднее отображают то, что эксперт подразумевает под «достаточным» или «существенным» соответствием частных признаков в следе, чем самый подробный текст заключения. При этом исследовательская часть заключения и прилагаемые к ней материалы должны быть достаточными, чтобы другой эксперт (специалист) мог понять, что было сделано и отмечено его коллегой, и имеются ли достаточные основания для сделанных выводов. Выдвигать требование о том, чтобы заключение было полностью понятно всем сторонам и участникам судопро-

производства – это нереальное пожелание, которое не может быть реализовано ни в одном виде судебной экспертизы.

2. Принцип минимизации субъективности – это обеспечение (при необходимости) возможности проведения независимой проверки (верификации) заключения эксперта внешними специалистами. Выше было показано, что субъективность оказывает воздействие на интерпретацию результатов сравнения. Поэтому другой квалифицированный эксперт может произвести независимую оценку следов и результатов сравнительного исследования в целях выявления либо исключения ее возможного влияния на формирование мнения своего предшественника. При этом проверки как внутри, так и вне лаборатории, должны быть «слепыми». Проверяющий должен быть огражден от знания первичных выводов.

3. Принцип уменьшения влияния субъективности основан на оценке количества совпадающих признаков в сравниваемых следах для решения вопроса о тождестве. В дактилоскопии вариационно-статистическими расчетами установлено, что наличие 12–17 совпадающих частных признаков позволяет категорически установить тождество. Практика же показывает, что идентификация может быть осуществлена и с меньшим числом совпадающих признаков (6–8) при условии их редкой встречаемости [15, с. 140]. Но в судебной баллистике этот вопрос разработан недостаточно.

В отношении следов оружия на сравниваемых в процессе отождествления пулях впервые этой проблемой озадачился Альфред Биасотти (Alfred Biasotti) [16]. Впоследствии на основе многочисленных научных и эмпирических исследований зарубежными коллегами был сформулирован консервативный критерий минимального числа совпадающих трасс в сравниваемых следах⁷, необходимого для вывода о тождестве. Для двухмерных трасс⁸ достаточно совпадения пяти последовательно расположенных трасс, в двух группах следов, представленных в соответственном положении, либо совпадения восьми последовательных трасс в одной группе. Для трехмерных⁹ – по три трассы в двух соответственных группах следов или шесть трасс в одной группе [17, 18].

⁷ Conservative minimum numerical criteria for matching striated toolmarks.

⁸ Их глубиной можно пренебречь. – *Прим. авт.*

⁹ С различной глубиной. – *Прим. авт.*

Приведенный критерий не случайно называется «консервативным», поскольку на практике не всегда реализуем. Его крайне трудно применить при сравнении следов на пулях, выстреленных из 5,45-мм автомата АК-74, поскольку обычно отображаемый в следах микрорельеф слабовыражен и неустойчив. Поэтому в этом и многих других аналогичных случаях только уровень подготовки эксперта и его опыт в идентификации позволяют решить поставленную задачу, то есть снова проявляется фактор субъективности. Вместе с тем приведенный критерий позволяет уменьшить субъективность при интерпретации значимости наблюдаемых признаков в сравниваемых следах и провести верификацию исследования.

Таким образом, по своей природе субъективность и предубеждение неразрывно связаны. Представленные способы в некоторой степени способствуют минимизации субъективности, но ее нельзя полностью устранить ввиду постоянной необходимости принятия экспертом самостоятельных решений в процессе анализа и отождествления. Следовательно, предубеждения не избежать, но по мере уменьшения субъективности удастся минимизировать и предубеждение.

Уменьшение влияния предубеждения

Исследования по проблеме предубеждения показывают, что оно, безусловно, воздействует на судебную экспертизу, особенно на виды, в которых при неоднозначности исходных данных выводы базируются на суждении эксперта [7, 11, 19]. Предубеждение даже может сопутствовать принятию решения, но не всегда сказывается на истинности окончательного вывода. Этот парадоксальный факт был выявлен при изучении влияния контекстной предвзятости на отождествление дактилоскопических следов с применением автоматизированных дактилоскопических идентификационных систем. Программное обеспечение подобных систем позволяет осуществлять автоматический поиск проверяемого следа по базе данных. Оператору для принятия решения о тождестве представляется ранжированный рекомендательный список объектов. По результатам его анализа эксперт делает вывод, присутствует ли в базе данных проверяемый след. При этом изображение следа из базы данных, совпадающее с проверяемым следом, может занимать в

списке выдаваемых системой результатов не первую позицию. Естественно, что это обуславливает формирование у эксперта мысли, что верхние позиции списка наиболее вероятно совпадают с проверяемым следом. Однако в ходе дальнейшего изучения изображений следов он приходит к принятию правильного решения, отклоняя эту контекстную информацию [20].

Очевидно, что следует не бороться с предубеждением, а нивелировать причины, его вызывающие. Одной из таких причин может быть предоставление эксперту материалов и объектов расследуемого дела, в которых по существу нет необходимости. Это практически то же самое, как если бы следователь или дознаватель обратился к эксперту и изложил ему свои суждения относительно имеющихся фактов и вещественных доказательств, а также озвучил ожидания в отношении результатов их исследования [12].

Эксперт не может проводить исследование индифферентно. Информация, предоставляемая ему, должна быть лимитирована и содержать лишь сведения, относящиеся к проводимому исследованию. Одновременно объем данных должен быть необходимым и достаточным для проведения адекватного анализа представленных объектов и решения поставленных вопросов. Если потребуется, эксперт может запросить дополнительные материалы. Однако возможны ситуации, когда знание экспертом дополнительных материалов позволяет с большей объективностью прийти к тем или иным выводам.

В науке существует способ минимизации влияния контекстной информации, заключающийся в последовательном раскрытии данных, необходимых для проведения объективного исследования [21]. Последовательное предоставление сведений ограждает эксперта от ненужной информации, обеспечивая его лишь данными, необходимыми для адекватного и надежного перехода к следующему этапу исследования. После завершения первого этапа предоставляется дополнительная информация для перехода к следующей стадии, и этот процесс продолжается до тех пор, пока исследование не будет завершено. Следует признать, что этот метод заслуживает внимания, но его нельзя применить в отечественной системе судебно-экспертной деятельности.

Предпосылки формирования предубеждения у эксперта могут обуславливаться нарушением последовательности его действий, определяемых принципами методики идентификационного исследования. Например, правильная процедура исследования объектов исключает потенциальное воздействие контекстной информации, которая может возникнуть, если идентифицирующие образцы (экспериментальные или из базы данных) были изучены перед идентифицируемыми объектами (представленными на экспертизу). В первую очередь следует исследовать идентифицируемые объекты, определить их свойства и характеризующие признаки, оценить их устойчивость и достаточность для отождествления. В данном случае информация, полученная при исследовании идентифицирующих образцов, никак не может сказаться на оценке свойств и признаков идентифицируемых объектов. Только после этого можно приступить к сравнительному исследованию.

В общем случае в любых экспертных методиках должна быть представлена четко определенная последовательность действий эксперта, направленная на решение поставленной задачи, что исключит экспертные ошибки деятельности характера. Кроме того, правильно структурированные экспертные методики предопределяют содержание исследовательской части заключения эксперта, что также снизит влияние предубеждения. Надлежащее и адекватное протоколирование процесса исследования позволит проверить сделанные наблюдения и оценить выводы по результатам исследований.

Выше обсуждался потенциал применения при идентификации численных критериев оценки совпадающих признаков в сравниваемых следах. Для дактилоскопии это давно сложившаяся практика, но в трасологии и судебной баллистике это является проблемой, поскольку на деле приходится оценивать и сравнивать всю совокупность признаков в следах.

Тем не менее, попытки решить данную задачу не прекращаются. Наибольших успехов в этой области достигли разработчики автоматизированных баллистических идентификационных систем, в которых задействованы сложные математические вычисления, труднодоступные для восприятия среднестатистическому эксперту. Но принятие окончательного решения о наличии

либо отсутствию тождества все же пока остается за оператором.

Масштабные исследования влияния человеческого фактора на выводы судебных экспертов, осуществляющих различные виды идентификации, выявили негативное влияние на объективность результатов подчиненности судебно-экспертных лабораторий правоохранительным органам [6, 22]. В данном случае речь идет об определенной ориентации экспертов на результат. Неоднократно имели место ситуации, когда руководители правоохранительных органов нагружают сотрудников, в том числе и экспертов, круглосуточной работой, если это необходимо для раскрытия преступления, вызвавшего общественный резонанс. С одной стороны, это может показаться самоотверженным, но с другой, – такие требования могут привести к непреднамеренным ошибкам.

Например, будучи экспертом-баллистом, автор много работал над особенно трудными случаями идентификации только для того, чтобы в итоге выявить и совместить признаки в небольших участках следов. При осознании потенциальной возможности совершения ошибки, вызванной длительным наблюдением и появлением некоторой предубежденности, исследование прерывалось. Объекты снимались с держателей сравнительного микроскопа, все вспомогательные метки удалялись, для того чтобы на другой день можно было снова приступить к исследованию. Если участок в сравниваемых следах действительно присутствовал, то он обнаруживался снова. Если нет, то время, проведенное вне лаборатории или за другим занятием, позволяло рассеять предубеждение. Поэтому необоснованные требования руководителей, не понимающих тонкостей этого процесса, могут создать трудности судебным экспертам, которые должны быть максимально защищены от подобных внешних воздействий.

Этот фактор является ключевым среди целого комплекса причин, послуживших основанием для вывода судебно-экспертных подразделений из подчинения правоохранительным структурам в ряде зарубежных стран [22, 23]. Полагаем, что необходимы соответствующие исследования в судебно-экспертной деятельности, детальный анализ результатов и выработка предложений для принятия оптимального решения по

организации системы судебно-экспертных учреждений и в нашей стране.

Отделение судебной экспертизы от правоохранительных органов способствует смягчению внешних воздействий, но оно не устраняет внутренних влияний. Одним из потенциальных источников предубеждения является обстановка внутри экспертной лаборатории, когда возможно внушение. Это может быть воздействие не только материалов дела, содержащих оценку объекта экспертизы другими лицами, или беседы со следователем, но и необоснованного мнения авторитетного коллеги или руководителя. Сила такого воздействия, как правило, обратно пропорциональна опыту работы [5].

Причины внутренних влияний – это страх на рабочем месте, план (сроки и нормы) по выполнению экспертиз, требование руководителей в обеспечении положительных показателей работы. Эксперты могут склоняться к предубеждению, когда руководители грозят карательными мерами, если подчиненный не следует определенным указаниям, что не всегда оправдано. Подобное давление может проявляться явно или латентно, тем более, если в прошлом такие меры уже применялись. Требования по выполнению плана экспертиз может также стать источником предубеждения. Эксперты стремятся сделать заданное количество материалов в устанавливаемые сроки, по этой причине нередко проводят исследования поверхностно, не уделяют должного внимания деталям, которые могут иметь существенное значение. Наконец, требование положительных показателей в работе так же может быть причиной непреднамеренной предубежденности.

Например, эксперт в течение длительного времени делает преимущественно отрицательные выводы или дает заключение о невозможности решения поставленного вопроса. При накоплении определенного количества подобных результатов у работника может сформироваться опасение предстоящего конфликта с руководителем, который укажет ему на недостаточную квалификацию. Данная ситуация порождает склонность к положительному решению вопроса не потому, что имеются достаточные для этого основания, а только потому, что эксперт желает избежать конфронтации.

Среди психологических моментов, способствующих появлению предубеждения, следует упомянуть и профессиональную де-

формацию, состоящую в косности решения мыслительных задач. Наиболее типичными ее проявлениями являются переоценка своих знаний и профессиональных возможностей, поспешные выводы, игнорирование мнения своих коллег и положений методик исследования.

Заключение

Предубеждение присутствует во всех сферах деятельности человека и имеет непосредственную связь с субъективностью. Все виды судебных экспертиз существуют в объективно-субъективном континууме, этот факт обуславливает различную достоверность экспертных выводов. Особенно отчетливо взаимосвязь объективности и субъективности просматривается в идентификационных экспертизах, поскольку в процессе проведения сравнительного исследования эксперты фактически вынуждены производить субъективную оценку совокупности полученных данных.

Исследования предубеждения в судебной экспертизе проводились на различных уровнях. Но все они были ограничены размерами выборок и составом участников, знающих, что они тестируются, а это само по себе является предвзятостью, лежащей в основе предубеждения. Одновременно

все исследования показали, что существует потенциальная опасность предубеждения, которую нельзя игнорировать, поскольку оно влияет на достоверность результатов.

Вполне очевидно, что предубеждение в судебной экспертизе – это многогранная проблема, требующая комплексного подхода. Причины и условия ее возникновения взаимосвязаны, способы минимизации ее негативного влияния различны, и отразить все аспекты в одной публикации невозможно.

В первую очередь, стоит уделить внимание изучению особенностей проведения различных видов экспертиз, чтобы понять, что в методиках и процессах их производства способствует непреднамеренному формированию предубеждения эксперта. Также важно стремиться минимизировать предубеждение, снижая степень субъективности, понимая при этом, что полностью от нее никогда не избавиться.

Таким образом, существование предубеждения в судебной экспертизе неизбежно, но сама по себе опасность формирования предубеждения у эксперта, опирающегося на субъективную интерпретацию, не может служить основанием для объявления определенного вида судебной экспертизы ненадежным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверьянова Т.В. Судебная экспертиза. Курс общей теории. М.: Норма, 2008. 480 с.
2. Судебная экспертиза. Типичные ошибки / Под ред. Е.Р. Россинской. М.: Проспект, 2019. 544 с.
3. Хрусталева В.Н. Как обеспечить достоверность доказательств, получаемых экспертным путем? // Судебная экспертиза. 2016. № 3 (47). С. 156–171.
4. Шведова Н.Н. О качестве подготовки судебных экспертов: частное мнение // Вестник криминалистики. 2019. № 2 (70). С. 30–37.
5. Бушуев В.В. Некоторые аспекты психологии деятельности эксперта // Эксперт-криминалист. 2008. № 2. С. 9–11.
6. Аснис А.Я., Хазинов Ш.Н. Международное судебно-экспертное сотрудничество и адвокатура // Теория и практика судебной экспертизы. 2019. Т. 14. № 4. С. 43–54. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2019-14-4-43-54>
7. Kukucka J., Kassin S.M., Zapf P.A., Dror I.E. Cognitive Bias and Blindness: A Global Survey of Forensic Science Examiners // Journal of Applied Research in Memory and Cognition. 2017. Vol. 6. No. 4. P. 452–459. <http://doi.org/10.1016/j.jarmac.2017.09.001>

REFERENCES

1. Aver'yanova T.V. *Forensic Examination. Course of General Theory*. Moscow: Norma, 2008. 480 p. (In Russ.).
2. Rossinskaya E.R. (Ed.). *Forensic Examination. Typical Errors*. Moscow: Prospekt, 2019. 544 p. (In Russ.).
3. Khrustalev V.N. How to Ensure the Authenticity of Evidence Obtained by an Expert? *Forensic Examination*. 2016. No. 3 (47). P. 156–171. (In Russ.).
4. Shvedova N.N. About the Quality of Forensic Experts' Training: A Private Opinion. *Bulletin of Criminalistics*. 2019. No. 2 (70). P. 30–37. (In Russ.).
5. Bushuev V.V. Some Aspects of the Psychology of Expert Activity. *Expert-Criminalist*. 2008. No. 2. P. 9–11. (In Russ.).
6. Asnis A.Ya., Khaziev Sh.N. International Forensic Cooperation and Advocacy. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2019. Vol. 14. No. 4. P. 43–54. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2019-14-4-43-54>
7. Kukucka J., Kassin S.M., Zapf P.A., Dror I.E. Cognitive Bias and Blindness: A Global Survey of Forensic Science Examiners. *Journal of Applied Research in Memory and Cognition*. 2017. Vol. 6. No. 4. P. 452–459. <http://doi.org/10.1016/j.jarmac.2017.09.001>

8. Хазиев Ш.Н. Адвокат – жертва дактилоскопической ошибки // Адвокат. 2005. № 4. С. 30–35.
9. Spinney L. Science in Court: The Fine Print // *Nature*. 2010. Vol. 464. P. 344–346. <https://doi.org/10.1038/464344a>
10. A Review of the FBI's Handling of the Brandon Mayfield Case / Office of the Inspector General US Department of Justice, Washington, DC., 2006. https://oig.justice.gov/sites/default/files/legacy/special/s0601/PDF_list.htm
11. Dror I.E., Charlton D. Why Experts Make Errors // *Journal of Forensic Identification*. 2006. No. 56 (4). P. 600–616.
12. Аснис А.Я. Субъективное и объективное в судебной экспертизе и современная практика правоприменения // Теория и практика судебной экспертизы. 2016. № 1 (41). С. 60–62.
13. Усов А.И. Судебная экспертиза: установление фактов на грани объективного и субъективного // Теория и практика судебной экспертизы. 2015. № 3 (39). С. 164–167.
14. Giverts P., Kokin A.V. The Problem of Subclass Features in Forensic Firearms Identification // *Theory and Practice of Forensic Science*. 2020. Vol. 15. No. 1. P. 109–117. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2020-1-109-117>
15. Майлис Н.П., Ярмак К.В., Бушуев В.В. Дактилоскопия и дактилоскопическая экспертиза. Учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Судебная экспертиза». М.: Юнити-Дана, 2017. 264 с.
16. Biasotti A. A Statistical Study of the Individual Characteristics of Fired Bullets // *Journal of Forensic Sciences*. 1959. Vol. 4. No. 1. P. 34–50.
17. Biasotti A., Murdock J. Firearm and Toolmark Identification. In: Faigman D., Kaye D., Saks M., Sanderson J. *Modern Scientific Evidence: The Law and Science of Expert Testimony*. West Publishing Company, 1997. Vol. 2. P. 131–151.
18. Moran B. Firearms Examiner Expert Witness Testimony: The Forensic Firearms Identification Process Including Criteria for Identification and Distance Determination // *AFTE Journal*. 2000. Vol. 32. No. 3. P. 231–251.
19. Eeden C.A.J., de Poot C.J., van Koppen P.J. The Forensic Confirmation Bias: A Comparison between Experts and Novices // *Journal of Forensic Sciences*. 2018. Vol. 64. No. 1. P. 120–126. <http://doi.org/10.1111/1556-4029.13817>
20. Dror I., Wertheim K., Fraser-Mackenzie P., Walajts J. The Impact of Human-Technology Cooperation and Distributed Cognition in Forensic Science: Biasing Effects of AFIS Contextual Information on Human Experts // *Journal of Forensic Sciences*. 2012. Vol. 57. No. 2. P. 343–352. <https://doi.org/10.1111/j.1556-4029.2011.02013.x>
21. Krane D., Ford S., Gilder J., Inman K., Jamieson A., Koppl R., Komfield I., Risinger D.M., Rudin N., Taylor M., Thompson W. Letter to the Editor: Sequential Unmasking: A Means of Minimizing Observer Effects in Forensic DNA Interpretation // *Journal of Forensic Sciences*. 2008. Vol. 53. No. 4. P. 1006–1007. <https://doi.org/10.1111/j.1556-4029.2008.00787.x>
8. Khaziev Sh.N. Lawyer – Victim of a Fingerprint Error. *Lawyer*. 2005. No. 4. P. 30–35. (In Russ.).
9. Spinney L. Science in Court: The Fine Print. *Nature*. 2010. Vol. 464. P. 344–346. <https://doi.org/10.1038/464344a>
10. A Review of the FBI's Handling of the Brandon Mayfield Case. *Office of the Inspector General US Department of Justice, Washington, DC.*, 2006. https://oig.justice.gov/sites/default/files/legacy/special/s0601/PDF_list.htm
11. Dror I.E., Charlton D. Why Experts Make Errors. *Journal of Forensic Identification*. 2006. No. 56 (4). P. 600–616.
12. Asnis A.Ya. Subjectivity and Objectivity in Forensic Science and Modern Law Practice. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2016. No. 1 (41). P. 60–62. (In Russ.).
13. Usov A.I. Forensic Science: Establishing Facts on the Boundary between Objective and Subjective. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2015. No. 3 (39). P. 164–167. (In Russ.).
14. Giverts P., Kokin A.V. The Problem of Subclass Features in Forensic Firearms Identification. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2020. Vol. 15. No. 1. P. 109–117. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2020-1-109-117>
15. Ma'lis N.P., Yarmak K.V., Bushuev V.V. *Fingerprinting and Fingerprinting Expertise. Textbook for University Students Studying in the Specialty "Forensic Science"*. Moscow: Yuniti-Dana, 2017. 264 p. (In Russ.).
16. Biasotti A. A Statistical Study of the Individual Characteristics of Fired Bullets. *Journal of Forensic Sciences*. 1959. Vol. 4. No. 1. P. 34–50.
17. Biasotti A., Murdock J. Firearm and Toolmark Identification. In: Faigman D., Kaye D., Saks M., Sanderson J. *Modern Scientific Evidence: The Law and Science of Expert Testimony*. West Publishing Company, 1997. Vol. 2. P. 131–151.
18. Moran B. Firearms Examiner Expert Witness Testimony: The Forensic Firearms Identification Process Including Criteria for Identification and Distance Determination. *AFTE Journal*. 2000. Vol. 32. No. 3. P. 231–251.
19. Eeden C.A.J., de Poot C.J., van Koppen P.J. The Forensic Confirmation Bias: A Comparison between Experts and Novices. *Journal of Forensic Sciences*. 2018. Vol. 64. No. 1. P. 120–126. <http://doi.org/10.1111/1556-4029.13817>
20. Dror I., Wertheim K., Fraser-Mackenzie P., Walajts J. The Impact of Human-Technology Cooperation and Distributed Cognition in Forensic Science: Biasing Effects of AFIS Contextual Information on Human Experts. *Journal of Forensic Sciences*. 2012. Vol. 57. No. 2. P. 343–352. <https://doi.org/10.1111/j.1556-4029.2011.02013.x>
21. Krane D., Ford S., Gilder J., Inman K., Jamieson A., Koppl R., Komfield I., Risinger D.M., Rudin N., Taylor M., Thompson W. Letter to the Editor: Sequential Unmasking: A Means of Minimizing Observer Effects in Forensic DNA Interpretation. *Journal of Forensic Sciences*. 2008. Vol. 53. No. 4. P. 1006–1007. <https://doi.org/10.1111/j.1556-4029.2008.00787.x>

22. Strengthening Forensic Science in the United States: A Path Forward / Committee on Identifying the Needs of the Forensic Sciences Community. Washington: National Research Council, 2009. 352 p.
23. Nichols R. Firearm and Toolmark Identification: The Scientific Reliability of the Forensic Science Discipline. London: Academic Press, 2018. 170 p.
22. Strengthening Forensic Science in the United States: A Path Forward. *Committee on Identifying the Needs of the Forensic Sciences Community*. Washington: National Research Council, 2009. 352 p.
23. Nichols R. *Firearm and Toolmark Identification: The Scientific Reliability of the Forensic Science Discipline*. London: Academic Press, 2018. 170 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кокин Андрей Васильевич – д. юр. н., доцент, главный государственный судебный эксперт лаборатории судебной баллистической экспертизы ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, профессор кафедры экспертно-криминалистической деятельности учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя; e-mail: sbl@sudexpert.ru

*Статья поступила: 01.06.2021
После доработки: 30.08.2021
Принята к печати: 25.09.2021*

ABOUT THE AUTHOR

Kokin Andrey Vasil'evich – Doctor of Law, Associate Professor, Chief State Forensic Expert at the Laboratory of Forensic Ballistics, the Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Professor at Department of Forensic Activities at the Educational and Scientific Forensic Complex of Moscow University of Ministry of Internal Affairs of Russia; e-mail: sbl@sudexpert.ru

*Received: June 01, 2021
Revised: August 30, 2021
Accepted: September 25, 2021*